

Государственное регулирование внешней торговли в послевоенной экономике России и США во второй половине XIX века

Епифанова Наталья Сергеевна

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, e-mail: nucifraga@mail.ru

Цитирование: Епифанова Н.С. (2023). Государственное регулирование внешней торговли в послевоенной экономике России и США во второй половине XIX века. *Terra Economicus* 21(4), 80–90. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-80-90

Послевоенная экономика в любой стране и в любой исторической эпохе сталкивается с относительно стандартным набором последствий (нагрузка на государственный бюджет, инфляция и т.п.). Примеры государственного регулирования внешней торговли в России после Крымской войны и в США после Гражданской войны интересны противоположной направленностью и, как следствие, противоположными результатами. Для экономиста такое сопоставление интересно еще и тем, что две эти войны происходят в близкие отрезки времени и хронологические рамки для изучения восстановления экономик двух стран тоже близки. Цель статьи заключается в сравнительном исследовании результатов государственного регулирования внешней торговли в России в течение двадцати лет после окончания Крымской войны (с 1856 по 1876 г.) и в США в течение двенадцати лет после окончания Гражданской войны (с 1865 по 1876 г.). При достижении исследовательских задач использовались традиционные для экономической истории методы: проблемно-хронологический, системный, сравнительно-исторический. Также использовался мир-системный подход для анализа причин войны в обеих странах. Сравнение подходов к государственному регулированию внешней торговли в России и в США в заданных хронологических рамках и схожих условиях показывает, что разнонаправленность этих подходов приводит к диаметрально противоположным результатам. В США реализовывалась политика регулирования внешней торговли, нацеленная на поддержание и защиту внутренней промышленности, которая привела к экономическому росту и росту благосостояния населения, чего нельзя сказать о результатах государственного регулирования внешней торговли в России в тот период. В России политика внешней торговли придерживалась в большей степени протекционизма, и акцент в государственном регулировании был сделан на монетарные методы.

Ключевые слова: история внешней торговли; Крымская война; Гражданская война в США; международная торговля

Comparing the approaches to state regulation of foreign trade (The case of Russia after the Crimean War and the United States after the Civil War)

Natalya S. Epifanova

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, e-mail: nucifraga@mail.ru

Citation: Epifanova N.S. (2023). Comparing the approaches to state regulation of foreign trade (The case of Russia after the Crimean War and the United States after the Civil War). *Terra Economicus* 21(4), 80–90 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-4-80-90

The post-war economy in any country and in any historical era faces a relatively standard set of consequences (burden on the state budget, inflation, etc.). Examples of state regulation of foreign trade in Russia after the Crimean War and in the United States after the Civil War are interesting both in the opposite direction and, as a result, in the opposite results. For an economist, such a comparison is also interesting because these two wars take place in close periods of time and the chronological framework for studying the recovery of the economies of the two countries after the wars is also close, thereby defining the external factors of economic development as ceteris paribus. The purpose of the article is to compare the results of state regulation of foreign trade in Russia during the twenty years after the end of the Crimean War (from 1856 to 1876) and in the USA during the twelve years after the end of the Civil War (from 1865 to 1876). In achieving research objectives, traditional economic history methods were used: problem-chronological, systemic, comparative-historical. A world systems approach was also used to analyze the causes of war in both countries. Comparison of approaches to the state regulation of foreign trade in Russia and in the United States in the second half of the 19th century shows that the U.S. implemented a foreign trade regulation policy aimed at maintaining and protecting domestic industry, which led to economic growth and an increase in the welfare of the population. But in Russia, the policy of foreign trade adhered to a greater extent to free trading and the emphasis in state regulation was placed on monetary methods.

Keywords: history of foreign trade; Crimean War; American Civil War; international trade

JEL codes: N10, F13

Введение

Взаимосвязь военно-политических событий и внешнеэкономической политики становится все более актуальной для современного общества. Вопросами взаимосвязи войны, политики и экономики исследователи задаются уже более ста лет. Еще в 1921 г. английский экономист А. Пигу в своей работе «Политическая экономия войны» высказывает идею, что решающим фактором для развития торговли и промышленности в стране становится «политический империализм». Так как рыночной экономике присуща конкуренция, то конкуренция между промышленниками и торговцами разных стран приводит к конкуренции между их правительствами, за которыми стоят военные силы (Пигу, 1924: 13–14). Традиционный неоклассический подход в экономической науке исходит из того, что конкуренция между зарубежными и внутренними производителями обычно оборачивается введением протекционистских мер в рамках внешнеторговой политики. Однако, если использовать терминологию И. Лакатоша, этот вывод можно считать от-

носящимся к «ядру» экономической науки, а «позитивная эвристика» такова, что конкуренция между экономическими агентами разных стран может пойти по пути торговых войн и дойти до «горячей» войны. Русский экономист Е.Е. Святловский в 1926 г. обосновывал взаимосвязь между мирохозяйственными отношениями, принципами формирования внешнеэкономической политики и военной мощью разных стран (Святловский, 1926). Также этот выдающийся ученый указывает на то, что стоимость ведения войны ложится тяжким бременем на национальное хозяйство в долгосрочной перспективе в форме послевоенного финансового бремени.

Впоследствии подобные идеи были развиты в рамках мир-системного подхода, который рассматривал войны как продолжение экономической политики, а также как метод изменения экономических правил игры в пользу стран, которые занимали доминирующее положение в мировой экономике (Валлерстайн, 2001). Во второй половине XIX в. экономика США наращивала свой потенциал, в том числе за счет демографического подъема на основе иммиграционных потоков, интенсификации аграрного сектора, в целом стремительной индустриализации экономики. И уже в 1960-е гг. США проявили себя весьма сильным субъектом мировой экономики, сформировав в дальнейшем систему мирохозяйственного порядка в подчинении своей внешнеторговой политике. Рассмотрим более подробно ее особенности, сравнив с аналогичным направлением государственного регулирования в России.

Экономическая политика российского правительства после Крымской войны (1853–1856 гг.) столкнулась с серьезными трудностями, связанными с традиционными для послевоенной экономики последствиями – чувствительный для экономики государственный долг и стремительное обесценивание национальной валюты. Разрешить эти проблемы удалось лишь к концу XIX в. посредством денежной реформы С. Витте (Степанов, 2018). Аналогичные проблемы складывались и в экономике США после Гражданской войны (1861–1865 гг.). Государственный долг США только за первые два года Гражданской войны вырос в 20 раз (Хатыпова, Тишаков, 2011).

В данной статье общность указанных проблем и общность задач России и США после Крымской и Гражданской войн XIX в. рассматривается лишь с экономической точки зрения. В действительности контекст реализации политики послевоенного восстановления экономики более широк. Например, результат участия России в Крымской войне стал следствием недостатка политико-дипломатических и экономических связей с европейскими странами, в результате чего ни одна из этих стран не поддержала Россию в конфликте с Турцией. Поэтому правительство Александра II старалось придерживаться политики свободной торговли в отношениях с европейскими странами, стремясь посредством экономических инструментов нивелировать недостатки дипломатической работы. Что же касается США, то Гражданская война перераспределила политическую власть от Юга к Северу и привела к политической перегруппировке в пользу республиканской партии против демократической партии. В результате с 1861 по 1932 г. республиканцы доминировали в американской политике, и источником политической поддержки для них был Север, где были сосредоточены производственные интересы США. При этом политическая власть сместилась таким образом, что усилила конкурирующие с импортом отрасли промышленности, расположенные на Севере. У демократов было только две возможности снизить тарифы, что они и сделали в 1894 г. и 1913 г. Но впоследствии эти сокращения были немедленно отменены, когда к власти вернулись республиканцы. Поэтому политика после Гражданской войны в соответствии с интересами республиканцев носил характер жесткого протекционизма.

Исследованию финансовых и монетарных аспектов проводимой экономической политики в России после Крымской войны и в США после Гражданской войны посвящено относительно много исследований и в отечественной, и в зарубежной историографии. Существенный интерес в политике обоих государств в периоды после указанных войн представляет изучение государственного регулирования внешней торговли. Этот вопрос слабо освещен в историографии. Гипотеза данного исследования заключается в том, что результаты государственного регулирования внешней торговли в России в течение 20 лет после окончания Крымской войны (с 1856 по 1876 г.) и в США в течение 12 лет после окончания Гражданской войны (с 1865 по 1876 г.) являются диаметрально противоположными. Причина видится в различиях в отношении к реализации протекционистских мер внешнеторгового регулирования и подходах к оценке значимости торгового баланса для макроэкономики стран со стороны правительств.

Оценки экономических последствий Гражданской войны в США широко и сравнительно полно описаны в исследованиях американских экономических историков. Что касается экономических последствий Крымской войны для России, то они представлены существенно скромнее, чем для Гражданской войны в США: в России огромное число исследований посвящено непосредственно Крымской войне, однако целенаправленных экономико-исторических исследований не так много. Особенно это касается вопроса внешней торговли. В обзоре литературы по этому вопросу можно выделить лишь исследование Е.В. Тарле, который приводит краткий обзор товарооборота между Россией и ее военными оппонентами (Тарле, 2023). Также затрагиваются вопросы государственного регулирования внешней торговли России в послевоенный период в работе А.С. Нифонтова (1972). По нашему мнению, такое положение дел в историографии обусловлено в том числе и различным вниманием к вопросам внешней торговли правительств России и США в соответствующие послевоенные периоды в рамках государственного регулирования восстановительных процессов в экономиках этих стран. Тем временем учет экономического фактора при оценке последствий Крымской войны и систематизированное представление о государственном регулировании экономики в тот период являются приоритетными. Такого мнения придерживается и ряд других исследователей (см., напр., Степанов, 2018).

Современная историография, посвященная оценке последствий Крымской войны для России, отличается от аналогичных оценок, которые представлены, например, в советской историографии. Традиционно длительное время считалось, что Россия проиграла в Крымской войне за счет своей экономической отсталости и дипломатической изоляции от «передовых стран Запада». Однако современные историки подвергают сомнению сам факт поражения России в Крымской войне, а также придерживаются той позиции, что экономическая отсталость России от стран, представляющих враждебную коалицию, является преувеличенной (Шевченко, 2007). Конечно, подобная точка зрения требует дополнительного аргументированного обоснования и с ней трудно согласиться, но тот факт, что она появилась и обсуждается в современной историографии Крымской войны, может свидетельствовать о преувеличенных масштабах поражения России в Крымской войне, которые представлены в большинстве аналитических оценок.

Российский исследователь А.А. Орлов отмечает, что внешнеторговая политика и политика «импорта» британских технологий играла ключевую роль во внутренней и внешней экономической политике России в первой половине XIX в. (Орлов, 2019). С одной стороны, российская финансовая система устанавливает первые связи с Англией, начинает сотрудничество с банкирским домом Ротшильдов, размещает первый русский заем в Англии в 1822 г. С другой стороны, существуют политические барьеры, препятствующие включению российской финансовой системы в европейскую финансовую систему (Орлов, 2019; Вессель, 1885). Сотрудничество с Англией при всех геополитических противоречиях, связанных со стремлением России расширить свое влияние в Центральной Азии, тем не менее, в финансово-экономической и технологической сферах является одним из самых приоритетных направлений международного сотрудничества. А.А. Орлов приводит в своей монографии пример привлечения российским правительством ведущего в то время французского инженера Шарля-Камиля де Сент-Альдегонда, которого в 1936 г. командировали в Англию для изучения британских промышленных технологий и поиска английских специалистов, готовых приехать работать в Россию. То, что импорт технологий был очень актуален для российской экономики в первой половине XIX в., подтверждает и тот факт, что император Николай I лично и тщательно изучал все отчеты Сент-Альдегонда.

Поражение России в Крымской войне носило скорее морально-идеологический характер: само по себе признание поражения стало унижительным и, по мнению некоторых историков, носило преждевременный характер, ведь Россия проиграла только несколько мелких сражений и практически не понесла каких-либо территориальных потерь. Потери человеческих ресурсов, конечно, были чувствительными для экономики России, особенно для российской деревни (Степанов, 2018), однако в действительности потери, например, были в шесть раз меньше, чем потери США в Гражданской войне.

По мнению американских экономических историков, Гражданская война стала таким военным столкновением в истории экономики США, которое повлекло для нее самые существенные потери за всю историю военных столкновений США (Goldin and Lewis, 1975; Higgs, 1971). 5% общей численности рабочей силы США было уничтожено. Издержки федерального бюджета соста-

вили 1,8 млн долл. (в ценах 1860 г.), издержки региональных и местных бюджетов – 485 тыс. долл. Общие прямые затраты Севера превысили 3,3 млн долл. Однако США удалось добиться быстрого восстановления экономики, и к началу Первой мировой войны ВВП США превышал аналогичную величину 1960 г. в три раза при среднем ежегодном росте ВВП на душу населения в размере 2%. Еще более стремительно росло промышленное производство: ежегодный темп роста составлял в среднем 4% (Higgs, 1971).

Результаты

Сопоставление доходов и расходов государственных бюджетов США и России показывает, что российский государственный бюджет в большей степени близок к сбалансированному состоянию. Однако русский исследователь XIX в. Н.Х Вессель отмечает, что из-за значительного падения курсов и снижения стоимости бумажных денег увеличивается инфляционное давление на государственный бюджет (Вессель, 1885). Он считает, что основной проблемой российского государственного бюджета в XIX в. было постоянное непроизводительное увеличение государственных расходов, а относительно сбалансированное состояние российского бюджета достигалось не естественным ростом, связанным с увеличением производства и потребления облагаемых налогами товаров и, как следствие, развитием промышленности, в той же степени государственных бюджетных доходов, а постоянным повышением размеров существующих и введением новых налогов на предметы внутреннего производства.

Состояние государственного бюджета и для России, и для США в значительной степени в рассматриваемые периоды связано с положением дел во внешней торговле этих стран. Проиллюстрируем данные процессы количественно с помощью статистических данных.

Доходы государственного бюджета США в период с 1865 по 1876 г. снизились с 558 млн долл. в 1865 гг. до 270 млн. долл., а расходы за те же годы понизились с 520 млн долл. до 243 млн долл. (табл. 1). Из общей величины снижения бюджетных доходов (288 млн долл.) на налоги приходилось 248 млн долл., а на таможенные пошлины – только 40 млн долл. Из суммы уменьшения государственных расходов 46 млн долл. приходилось на сокращение самых непроизводительных государственных расходов по уплате долгов (Вессель, 1885).

В России бюджетные доходы в период с 1866 по 1876 г. увеличились с 382 млн руб. до 559 млн руб., а расходы – с 413 млн руб. до 573 млн руб. (табл. 1). При этом из суммы увеличения доходов на 177 млн руб. приходилось на налоги 141 млн руб., а на таможенные пошлины – 36 млн руб. Из суммы увеличения государственных расходов на 160 млн руб. расходы по уплате долгов увеличились с 60 млн руб. в 1866 г. до 109 млн руб. в 1876 г., т.е. на 49 млн руб. за 11 лет (Вессель, 1885).

Таблица 1

Сравнительная характеристика изменения параметров государственного бюджета России и США («+» – увеличение показателя, «–» – сокращение показателя)¹

Параметры сравнения	Россия, 1866–1876		США, 1865–1876	
	в абсолютном выражении	в процентах	в абсолютном выражении	в процентах
Доходы государственного бюджета	+177	+46	–288	–54
Расходы государственного бюджета	+160	+39	–277	–53
Доля налогов в изменении доходов государственного бюджета	–177	80 (от общей величины роста)	–248	86 (от общей величины снижения)
Доля таможенных пошлин в изменении доходов государственного бюджета	–36	20 (от общей величины роста)	–40	14 (от общей величины снижения)

Источник: составлено и рассчитано автором на основе данных, которые приводятся в: Вессель, 1985

¹ Для России абсолютные стоимостные показатели – в млн руб., для США – в млн долл.

Вывоз товаров из США в 1865–1867 гг. составлял в стоимостном выражении (в среднем за год) 269 млн долл., а в 1876–1878 гг. – 608 млн долл. Ввоз товаров за эти же трехлетки составил 356 млн долл. и 445 млн долл. соответственно. Следовательно, импорт товаров в США за первые указанные три года превысил экспорт на 89 млн долл., а во второй период трехлетия экспорт превышал импорт на 163 млн долл. То есть во второе из сравниваемых трехлетий торговый баланс США улучшился и стал положительным. Чистый экспорт драгоценных металлов в США в период с 1865 по 1867 г. был положительным и составлял 151 млн долл., а во второе из рассматриваемых трехлетий – 127 млн долл. (и это также положительная величина) (Вессель, 1985; Красильников, 1882).

В России экспорт товаров за период с 1856 по 1858 г. также в стоимостном выражении (в среднем за год) составил 160 млн руб., а импорт – 141 млн руб., т.е. экспорт превышал импорт на 19 млн руб. (табл. 2). За период 1873–1875 гг. экспорт составлял 405 млн руб., импорт – 493 млн руб., т.е. импорт превышал экспорт на 88 млн руб. в год. Так, во второе из сравниваемых трехлетий торговый баланс России ухудшился и стал отрицательным. В России, в отличие от США, величина чистого экспорта драгоценных металлов за оба анализируемых трехлетия являлась отрицательной величиной и составляла 14 и 118 млн руб., соответственно. Это отражало, совместно с появлением отрицательного торгового баланса, существенное ухудшение платежного баланса в целом (в динамике – в одном трехлетии в сравнении с другим) (Вессель, 1985; Красильников, 1882).

Таблица 2

**Сравнительная характеристика изменения объемов
экспортно-импортных операций России и США²**

Параметры сравнения	Россия		США	
	1856–1858	1873–1875	1865–1867	1876–1878
Экспорт товаров	160	405	269	608
Импорт товаров	141	493	356	445
Сальдо торгового баланса	+19	–88	–89	169
Чистый экспорт драгоценных металлов	–14	–118	+151	+127

Источник: составлено и рассчитано автором на основе данных, которые приводятся в: Вессель, 1985; Красильников, 1882

Таким образом, в России снижение вексельных курсов и курсов бумажных денег оказывало негативное давление на торговый баланс страны, стимулируя импорт и ограничивая экспорт. Это подтверждается и данными статистики того времени. При отрицательном сальдо торгового баланса стране пришлось оплачивать свои внешние расходы золотом, о чем свидетельствует значительный вывоз драгоценных металлов из России. В США наблюдалась обратная ситуация: существенное улучшение сальдо торгового баланса привело к притоку золота в страну, что позволило добиться макроэкономической стабилизации в послевоенный период. В период Гражданской войны в США также наблюдались инфляционные процессы и произошел стремительный рост цен (как и в России). Принимая цены в 1860 г. равными 100, получим средний уровень цен 100,6 в 1861 г. К началу 1862 г. он вырос до 117,8 по отношению к уровню 1860 г. (Mitchell, 1987). Затем в полной мере стали ощущаться последствия обесценивания валюты, и рост обесценения ускорился. В 1863 г. рост цен составил 148,6, в 1864 г. – 190,5, а в 1865 г. был достигнут максимум 216,8. Таким образом, цены в США в среднем выросли более чем в два раза за четыре года.

Аналогом российских кредитных рублей в США были гринбеки (казначейские билеты, неразменные на металл, изначальное соотношение по которым устанавливалось 100:1). В 1864 г. стоимость гринбека достигла минимального значения за всю его историю и составляла лишь 38,7 цента золотом. В 1865 г., сразу после войны, его цена поднялась до 74 центов золотом (Mitchell, 1987). В 1878 г. гринбек уже продавался по номиналу, а цены снизились на 58%.

Кредитный же рубль в России в 1856 г. внутри страны торговался по номиналу, а на Лондонской бирже продавался по курсу 38,25 пенса за 1 кредитный рубль (Вессель, 1885). В 1876 г.

² Для России абсолютные стоимостные показатели – в млн руб., для США – в млн долл.

кредитный рубль равнялся только 77 коп. золотом, а курс на Лондонской бирже был 30,94 пенса за рубль, т.е. его цена снизилась на 30%. При этом государственный бюджет с 1856 по 1871 г. сводился регулярно с дефицитом, а в период с 1871 по 1876 г. дефицит был только в 1876 г., в остальные годы доходы государственного бюджета превышали расходы. Средний вексельный курс на Лондонской бирже понизился с 33,31 пенса в 1874 г. до 32,78 пенса в 1875 г.

Все эти данные свидетельствуют о том, что даже профицитный государственный бюджет не мог повлиять положительно на улучшение российских вексельных курсов и повлечь повышение ценности кредитного рубля. В действительности, главным инструментом макроэкономической стабилизации могла стать протекционистская торговая политика, направленность на расширение внутреннего промышленного производства. Именно такой инструмент использовало правительство США в послевоенный период, но российское правительство фактически отказалось от его использования. Это и привело к диаметрально противоположным результатам государственного регулирования в послевоенный период в двух странах с изначально схожими проблемами, типичными для стран, которые вовлечены в военные конфликты.

Советский историк А.С. Покровский считает, что направленность внешнеторговой политики России в XIX в. задала концепция Н.П. Румянцева, возглавлявшего в начале XIX в. Министерство коммерции, которое и отвечало за реализацию политики внешней торговли (Покровский, 1947). Эта концепция изложена в основном труде Н.П. Румянцева «О разуме тарифа» (1804 г.), и ей присущи такие приоритеты, как отказ от свободной торговли, сдерживание цен на социально значимые товары, поддержка российского производителя, сырьевая направленность торговли для поддержания внутренней промышленности. Однако, по утверждению А. Красильникова, в России в период первых двух десятилетий, начиная с середины XIX в., действительный протекционизм («действительное покровительство») подменялся фиктивным («фиктивное покровительство») (Красильников, 1882). Суть этой подмены сводится к тому, что введенные правительством протекционистские меры в целях защиты интересов национальных промышленников на самом деле субъектами внешнеэкономической деятельности обходятся и допускаются ввоз иностранных товаров на беспошлинной основе. При этом российское правительство применяет такой инструмент государственного регулирования экономики, как заказы и субсидии в адрес иностранных товаропроизводителей, осуществляющих импорт в Россию (Вессель, 1885). Прежде всего, это касается различных «железнодорожных принадлежностей» (рельсов, вагонов, паровозов и т.п.). Вессель подробно описывает косвенные издержки такого «протекционизма» – высокие административные затраты государственного бюджета на выдачу заказов и субсидий из российской казны, возможные искажения, связанные с предвзятостью и коррупцией, устранение потребителей из взаимодействия спроса и предложения в таких внешне-торговых сделках, приводящее к снижению качества продукции.

Либерализация торговой политики в России началась сразу после Крымской войны, и в 1857 г. пошлины были резко снижены, что привело к существенным импортным потокам дешевого металла (Нефедов, 2022). 1850–1860-е гг. отмечены в истории экономики тем, что железнодорожное строительство стало драйвером экономического развития. Вессель (1885) справедливо считает, что, вместо того чтобы обязать иностранных производителей железнодорожных принадлежностей создавать в России новые машиностроительные заводы, был допущен свободный импортный поток продукции зарубежных машиностроительных отраслей, которые фактически уничтожили и без того бывшие немногочисленными заводы в России. Фактически это привело к тому, что действия российского правительства, направленные на либерализацию торговых отношений с Европой, дали дополнительные возможности для развития внутренней европейской промышленности, ограничив и приведя к еще большей отсталости российскую промышленность.

Осознав проблему низкой собираемости таможенных доходов в государственный бюджет, российское правительство пересмотрело в 1868 г. таможенный тариф, новые размеры которого также соответствовали принципам свободной торговли, но имели протекционистский характер в отношении стратегически значимых на тот момент отраслей экономики. Беспшлинно теперь допускался только ввоз сельскохозяйственных машин и приспособлений для обработки волокнистых веществ, берд для ткацких станков, морских и речных судов. Все остальные товары были обложены пошлиной.

Однако фактически организационная структура внешней торговли России в период с 1869 по 1876 г. позволяла добровольно жертвовать 7 млн руб. ежегодно в адрес иностранных импортеров, которым удавалось обходить утвержденные российским правительством в 1869 г. таможенные пошлины (табл. 3): общая недоимка по таможенным сборам в 57,19 млн руб. за восемь лет дает сумму в 7 млн руб. в год в среднем.

Отдельные экономические историки считают, что изменение тарифов в 1869 г. привело к росту тарифных доходов и положительно сказалось на пополняемости бюджета (Покровский, 1947). В этом действительно можно убедиться с помощью данных статистики внешней торговли (табл. 3). Однако Вессель утверждает, что в структуре тарифных доходов в этот период главное увеличение приходится на сырые продукты потребления, пошлины на которые в 1869 г. практически не подвергались изменениям. Отсюда он делает вывод, что рост тарифных доходов в период с 1869 по 1876 г. состоялся по причине значительного усиления контроля и надзора за контрабандой (Вессель, 1885).

Таблица 3

Оценка величин таможенных поступлений в государственный бюджет России, которые должны были поступить и которые реально поступили в период с 1869 по 1876 г., млн руб.

Год	Расчетное значение таможенных поступлений на основе фактических данных внешней торговли	Получено в государственный бюджет	Недоимка
1869	14,15	2,22	11,93
1870	12,24	3,12	9,12
1871	9,46	3,96	5,5
1872	7,47	3,89	3,58
1873	11,63	5,05	6,58
1874	12,39	6,24	6,15
1875	13,89	6,02	7,87
1876	13,46	7	6,46
Итого	94,69	37,5	57,19

Источник: составлено и рассчитано автором на основе данных, которые приводятся в: Вессель, 1885

По данным американского экономического историка Д. Ирвина, торговая политика США в период после Гражданской войны характеризовалась не самыми высокими средними тарифными ставками по сравнению с другими периодами американской экономической истории. При этом Ирвин приводит данные, согласно которым средняя тарифная ставка в США к окончанию Гражданской войны составляла 47% и впоследствии, в течение рассматриваемого нами периода с 1865 по 1876 г., примерно на таком же уровне и оставалась. В целом после Гражданской войны и до конца XIX в. средняя тарифная ставка поддерживалась на уровне 40–50% (Irwin, 2000a). Однако при расчете такой средней тарифной ставки нужно учитывать, что после Гражданской некоторые продукты (такие как кофе, чай, бананы и олово) были внесены в список беспошлинной торговли. Эти товары, как правило, не производились в США, поэтому ни один американский производитель не пострадал от свободного ввоза товаров. Логика внешнеторговой политики США, которую определяют в своих исследованиях А. Красильников и Н. Вессель, подтверждается и американскими экономическими историками: основная цель введения тарифов не фискальная, а защитная; тарифы вводятся для того, чтобы защитить национальных промышленников от иностранной конкуренции, способствовать развитию промышленности, а за счет этого уже получить увеличение доходов государственного бюджета через автоматический рост налоговых поступлений (Irwin, 2000a).

В другом своем исследовании Д. Ирвин приводит оценки, что было бы, если в 1869 г. американское правительство отменило бы таможенную пошлину на чугун (Irwin, 2000b). Результат, который он получил, – доля импортного чугуна на внутреннем рынке США выросла бы с 7% до 30%, а большая часть американской промышленности не пережила бы такого политического решения. Как было рассмотрено выше, в общем-то, эта мера как раз и была воплощена на практике

российским правительством после Крымской войны, и, действительно, большая часть российской промышленности ее не пережила.

Внешнеторговая политика США в период с 1865 по 1876 г. строилась таким образом, чтобы всячески способствовать развитию промышленности и поддерживать положительное сальдо торгового баланса. При этом в США мало уделялось внимания искусственному поддержанию ценности американских неразменных бумажных денег. В России же тратились значительные средства государственного бюджета на искусственное повышение ценности кредитного рубля и не принималось отдельных целенаправленных мер для развития промышленного производства.

Обсуждение

Мир-системный подход позволяет нам увидеть, что доминирующее положение в мирохозяйственных связях дает возможность выстроить правила игры в международной торговле в свою пользу. История показывает, что и в XIX веке, и в XX в. США как сильный «игрок» мирового геоэкономического пространства пытались выстроить систему правил в международной торговле в своих интересах. Так, например, в XX в. Всемирная торговая организация (ВТО), по мнению ряда современных исследователей, стала инструментом продвижения политических интересов США в сфере международной торговли на протяжении второй половины XX в. (Мукхопадхьяй, 2019). Как только США стало понятно, что в XXI в. эта функция теряется вследствие новых экономических условий в глобальной торговле, они фактически блокировали функционирование ВТО посредством блокировки механизма разрешения торговых споров.

Современное развитие России в XXI в. по своим тенденциям схоже с особенностями экономического развития России в XIX в.: постепенное снижение протекционистских мер в результате вступления России в ВТО, технологическая зависимость от развитых стран Запада, проведение специальной военной операции, следствием которой являются значительная нагрузка на государственный бюджет и инфляционные процессы в экономике, искусственное поддержание рубля со стороны Центрального банка Российской Федерации в 2022 г. – все те тенденции, которые приближают текущую ситуацию в российской экономике к ситуации в экономике после Крымской войны в XIX в.

В современных исследованиях российской экономики в постсоветский период принято считать, что монетарные реформы 1990-х гг. проводились на основе рецептов монетарного направления неолиберализма, так называемой Чикагской школы, которые для российской экономики оказались «ложными и вредными» (Глазьев, 2015). Принято считать, что российскому правительству они были навязаны извне. Однако во второй половине XIX в. после Крымской войны монетаризма еще не было, но тем не менее, как пишет А. Красильников в 1882 г., «когда в Америке полагали, что *качественное улучшение* (курсив. – А. Красильников), т.е. поднятие ценности бумажных денег, всецело зависело от *экономического преуспевания страны*, в России полагали наоборот, что *последнее зависело от доброкачественности денежного обращения*, которое признавалось как бы существующим *самим по себе*, вне всякого на него влияния положения страны относительно международных расчетов» (Красильников, 1882: 3–4). Другими словами, те, кто управлял российской экономикой, уже в XIX в. были большими монетаристами, чем монетаристы Чикагской школы. Государственное регулирование экономики в период после Крымской войны показало низкую результативность такой политики, поэтому вполне закономерным оказался результат невыученных уроков в 90-е гг. XX в.

Конечно, экономические и финансовые взаимосвязи в XIX в. были проще, так как финансовые системы имели более простое устройство. Утверждение о том, что протекционистская политика способна сдерживать отток капитала, сформулированное, например, в работе А. Красильникова (1882), сейчас не так актуально, как в тот период всемирной экономической истории. Однако мы и сейчас можем убедиться в том, что акцент на поддержании сбалансированности бюджета, которая достигается преимущественно искусственными методами (поддержание курса рубля), не оказывая влияния на реальную экономическую активность, в долгосрочном периоде вряд ли позитивно скажется на экономическом росте и благосостоянии населения России. XIX век преподал России очень поучительный урок экономической и финансовой истории. Основным выводом из этого урока должен был стать тезис о необходимости развития собственной промышленности в послевоенный период, о недопустимости применения спекулятивных инстру-

ментов достижения показателей деятельности правительства, о недопустимости жертвования интересами реального производства ради финансовых интересов.

Заключение

Государственное регулирование внешней торговли США после Гражданской войны (1861–1865 гг.) основывалось на утверждении, что единственным средством восстановления послевоенной экономики должно быть развитие промышленных сил страны с уделением особого внимания ее торговому балансу без какого-либо искусственного поддержания ценности национальных неразменных бумажных денег. В России при относительно более благоприятной статистической картине государственного бюджета значительные финансовые средства направлялись на поднятие ценности кредитного рубля и не предпринимались меры для развития внутренней промышленности. В США активно использовались высокие тарифные ставки, особенно для тех отраслей промышленности, которые в тот период времени давали наибольший толчок экономическому развитию. В России государственное регулирование внешней торговли характеризовалось не только понижением тарифных ставок, но допуском возможности беспошлинного ввоза огромных объемов торговых потоков, которые по закону пошлиной обложены. В США одним из условий выплаты таможенных пошлин иностранными импортерами была их уплата в государственный бюджет золотом. В России пошлины взимались кредитными рублями. В результате выплаты по внешнему госдолгу Россией сопровождались дополнительными потерями на обменном курсе кредитных рублей на золото. Эти потери перекрывались из общих государственных доходов (в США эти расходы фактически перекладывались на потребителей и производителей импортируемых товаров). В США для стимулирования расширения и роста промышленного производства действовала политика фискальной экспансии в сочетании с ростом таможенных тарифов. В России правительство придерживалось фискальной рестрикции в сочетании с торговой либерализацией, аргументируя свою позицию приверженностью теории свободной торговли, доказывающей, что свободная торговля всегда приносит выгоды участникам международной торговли. Таким образом, как и значительно позже в истории, в период после Крымской войны за управление российской и финансовой системой отвечали люди, которые осуществляли экономические и финансовые эксперименты согласно классическим экономическим теориям, придавая их постулатам значение безусловных всеобщих истин и не обращая внимания на то, что основные постулаты этих теории реализуемы только *ceteris paribus*. Между тем и исторический опыт США в аналогичный период после Гражданской войны, и дальнейшие историографические оценки этого периода показывают наглядно и неопровержимо несостоятельность теории свободной торговли по отношению к различным торговым партнерам с их различными экономическими условиями и торговыми потребностями. В результате за рассматриваемые периоды восстановления поствоенных экономик российская экономика перешла со второго/третьего места в мировом рейтинге стран по совокупным объемам товарного производства на пятое, а экономика США вышла на устойчивый долгосрочный экономический рост с формированием значительного производственного потенциала.

Литература/References

- Валлерстайн И. (2001). *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб.: Университетская книга. [Wallerstein, I. (2001). *Analysis of World Systems and the Situation in Modern World*. St. Petersburg: University Book Publ. (in Russian)].
- Вессель Н. (1885). Нормальный государственный бюджет. *Русский вестник* 2(1), 377–445. [Wessel, N. (1885). Normal state budget. *Russian Bulletin* 2(1), 377–445 (in Russian)].
- Глазьев С.Ю. (2015). Нищета и блеск российских монетаристов. Часть 1. *Экономическая наука современной России* (2), 7–21. [Glazyev, S. (2015). Poverty and splendor of Russian monetarists. Part 1. *Economic Science of Modern Russia* (2), 7–21 (in Russian)].
- Красильников А. (1882). *Объяснение причин успехов Америки и неуспеха России в восстановлении металлического обращения*. СПб. [Krasilnikov, A. (1882). *Explanation of America's Success and Russia's Failure in the Restoration of Metallic Coins Circulation*. St. Petersburg (in Russian)].

- Муххопадхьяй А. (2019). Изменения в международной торговле в условиях нестабильного миропорядка. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика* **14**(4), 89–111. [Mukhopadhyay, A. (2019). Changes in international trade in an unstable world order. *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economics* **14**(4), 89–111 (in Russian)].
- Нефедов С.А. (2022). Экономическая политика и железнодорожное строительство в правление Александра II (1855–1865). *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки* **24**(1), 165–180. [Nefedov, S. (2022). Economic policy and railway construction during the reign of Alexander II (1855–1865). *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities* **24**(1), 165–180 (in Russian)]. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.011
- Нифонтов А.С. (1972). Хозяйственная конъюнктура в России во второй половине XIX века. *История СССР* (3), 42–64. [Nifontov, A. (1972). Economic situation in Russia in the second half of the XIX century. *History of the USSR* (3), 42–64 (in Russian)].
- Орлов А.А. (2019). Великобритания, Россия и проблема нового мирового порядка в европейской политике первой половины XIX века (1815–1854 гг.). М.: МГПУ. [Orlov, A. (2019). *Great Britain, Russia, and the Problem of the New World Order in European Politics in the First Half of the 19th Century (1815–1854)*. Moscow: Moscow City University Publ. (in Russian)].
- Пигу А.К. (1924). *Политическая экономия войны*. Л.: Военное издательство Ленинградского военного округа. [Pigou, A. (1924). *Political Economy of War*. Leningrad: Military Publishing House of the Leningrad Military District (in Russian)].
- Покровский С.А. (1947). *Внешняя торговля и торговая политика России*. М. [Pokrovsky, S. (1947). *Foreign Trade and Trade Policy of Russia* (in Russian)].
- Святловский Е. (1926). *Экономика войны*. М. [Svyatlovsky, E. (1926). *Economics of War*. Moscow: Military Bulletin Publ. (in Russian)].
- Степанов В.Л. (2018). Крымская война и экономика России. *Вопросы теоретической экономики* (1), 117–137. [Stepanov, V. (2018). The Crimean War and the Russian economy. *Issues of Economic Theory* (1), 117–137 (in Russian)]. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00008
- Тарле Е.В. (2023). *Крымская война: В 2 т. Т. 1*. М.: Юрайт. [Tarle, E. (2023). *Crimean War: In 2 vols. Vol. 1*. Moscow: Yurait Publishing House (in Russian)].
- Хатыпова А., Тишаков А. (2011). Роль госдолга США в мировом движении капитала. *Мировое и национальное хозяйство* (4), 73–84. [Khatypova, A., Tishakov, A. (2011). The role of the US public debt in the global movement of capital. *World and National Economy* (4), 73–84 (in Russian)].
- Шевченко М.М. (2007). Историческое значение политической системы императора Николая I: новая точка зрения. *Труды ГИМ: XIX век в истории России. Современные концепции истории России XIX века и их музейные интерпретации* (163). М.: ГИМ, с. 281–302. [Shevchenko, M. (2007). The historical significance of the political system of Emperor Nicholas I: A new perspective. *Proceedings of the State Historical Museum: 19th century in the history of Russia. Modern concepts of the history of Russia in the 19th century and their museum interpretation* (163). Moscow: State Historical Museum Publ., pp. 281–302 (in Russian)].
- Goldin, C., Lewis, F. (1975). The economic cost of the American Civil War: Estimates and implications. *Journal of Economic History* **35**(2), 299–326.
- Higgs, R. (1971). *The Transformation of the American Economy: An Essay in Interpretation*. Mises Institute.
- Irwin, D. (2020a). Trade policy in American economic history. *Annual Review of Economics* **12**, 23–44.
- Irwin, D. (2000b). Could the U.S. iron industry have survived free trade after the Civil War? *Explorations in Economic History* **37**, 278–299.
- Mitchell, W. (1987). Greenbacks and the cost of the Civil War. *Journal of Political Economy* **5**(2), 117–156.